

R 556/445
К Р О К О Д И Л

№ 15 — 16 МОСКВА 1944

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ГОД ИЗДАНИЯ XXIII

ЦЕНА НОМЕРА — 80 КОП.

Рис. Бор. Ефимова

«КОТЕЛЬНЫЙ» ЦЕХ

— Эх, хороши детали!
— Какие?
— Вот эти — к новым «котлам» для фрицев.

Наши вечера ✓

ВЕЧЕРА в семье Киреевых проходят беспокойно. Вечерами Киреевы то и дело поглядывают на стенные часы. Собственно говоря, Лука Фомич как будто и не принимает живого участия в этом занятии. Он молча сидит над своими бумагами, и весь его вид говорит о том, что на данном этапе он, Лука Фомич, интересуется только бумагами. Но справедливости ради отметим, что Лука Фомич нет-нет, а всё же невзначай, мельком и, если хотите знать, даже небрежно, взглянет на часы.

Вера Игнатьевна ушла с головой в интересную, очень увлекательную книгу. Но — чудное дело! — вот уж минут двадцать, как она читает одну и ту же страницу. Пробежит пять-шесть строчек и этап равнодушно и будто бы задумчиво вскинет глаза туда, где висят часы, по бесстрастному циферблату которых ужасно медленно двигаются стрелки. После этого Вера Игнатьевна опять начинает читать те же самые, уже десять раз прочитанные строчки.

Бабушка хлопочет на кухне. Но она всё чаще и чаще забегает сюда в комнату. Нет, не для того, чтоб заглянуть на часы. Она за солью. Что-то очень много соли ей сегодня нужно. Забежит, ну и, конечно, скользнет взглядом по циферблату и, ни к кому не обращаясь, скажет: — Сегодня ничего не будет...

Юрка знает, что бабушка лукава и погрязла в суевериях. Это она нарочно говорит, что ничего не будет, а в душе надеется, что будет.

Надо отдать справедливость Юрке: из всех Киреевых это самый откровенный человек, хотя он уже не так молод — одиннадцать лет. Он ничуть не скрывает своего сладостного волнения. Он со всей свойственной ему прямоотой и категоричностью смотрит на часы.

— Обстановка выяснится через одиннадцать минут, — заявляет Юрка.

— А? Что? — говорит отец. — Юрка, не мешай работать.

— Что? — вторит мать. — Юрка, ты мне мешаешь читать. А, может, будет не в восемь, а в девять.

— А, может, и в восемь и в девять, — говорит отец.

— Сегодня ничего не будет, ничего не будет, — шенчет бабушка, роясь в банке с солью.

— Обязательно будет! — твердит Юрка. — Семён Семенович видел, как по улице Горького везли пушки.

— А какие сегодня сведения у Кудрявцева? — спрашивает Вера Игнатьевна.

Но Кудрявцева нет дома. Это студент, у которого есть знакомая зеничица. Тактичный Кудрявцев никогда не обращается к Варе с вопросами на эту тему. Но, способный молодой человек, он научился бойко читать в её синих глазах, и это увлекательное чтение часто обогащает Кудрявцева предчувствием близкого салюта.

Тридцать пять минут восьмого. Все смотрят на часы и на репродуктор.

— Концерт окончен! — заявляет диктор.

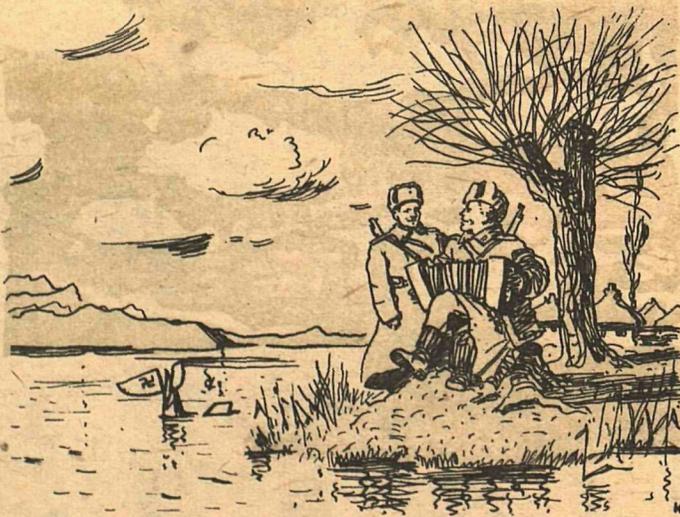
И репродуктор, спасибо ему, умолкает. Молчит уже целую минуту.

— Есть! — кричит Юрка. — Пауза!

И Юрка, не долго думая, пускается в пляс. Это вдохновенная импровизация, нечто среднее между полькой-птичкой и танцем племени команчей.

ТОНКИЙ НАМЕК

Рис. А. Кашевокого

— Что играешь, Петруха?
— На берегу Прута — вальс «Дунайские волны».

Вот уж диктор объявил о предстоящем важном сообщении. Вот уж и любимая всеми нами музыка позывных.

В дверь стучит сосед Павел Петрович, за ним соседка Марья Семёновна:

— Слышали? Позывные. Вы не знаете, что взяли?

Все собрались у репродуктора. И вот уж Левитан торжественно произносит: «Приказ Верховного Главнокомандующего...»

— Двенадцать, двадцать, а может, двадцать четыре? — волнуется Юрка, вооружённый красным карандашом.

Сейчас он на карте кружочком отметит новый освобождённый город. А уже позже, когда Юрка будет спать и будут передавать сводку, папа начертит на карте новую линию фронта.

Хороша карта! Сколько красных кружочков!

Только вот беда — уж не хватает карты. Нет у Киреевых ни Румынии, ни Венгрии, ни Чехословакии. А ведь сейчас эти карты так нужны, так нужны!

Г. РЫКЛИН

МАСТЕР

— Кто следующий? — кричит Ириша.

И следующая влетает в зал и плюхается в кресло.

У Ириши профессиональная привычка смотреть не на клиентку, а на её отражение в зеркале. Она и разговаривает всегда с отражением. Сейчас она смотрит и думает:

«Мне вот и причёсаться неохота и вообще ничего неохота. Не пишет Сергей. А вот вам, пожалуйста, верных пятьдесят лет, а вы ей тут устройте на голове ондиоло и всякие шутки!»

Мимо проходит бригадир и спрашивает:

— Ириша, а от твоего Сергея к празднику ничего нет?

Ириша молча мотает головой. Тогда встречает клиентку, чтоб её чорт... в самом деле!

— А у вас муж на фронте?

Ириша смотрит вниз на широкий пробор и начинает тихо, но захватывающе ненавидеть. Вот взять бы и сказать: «А у вас, милая, небось, на фронте и муж и сын, а вы локоны навиваете!»

Но вместо этого она сухо говорит:

— А у вас? — и выжидающе глядит в зеркало.

Отражение клиентки краснеет и неожиданно становится симпатичным и застенчивым:

— Нет, я, видите ли, девушка... По специальности фельдшерница. Как видите, можно бы и без локонов, всё равно — косынка. Но на 1 Мая у нас в госпитале концерт и я буду вы-

ступать. Петь буду. Наши раненые любят мои песни. Так что уже я ради них. Вы понимаете? Всё-таки приятнее смотреть!

Ириша кивает головой и особенно старательно и долго делает фельдшернице причёску — себе в наказание за глупые мысли!

Но когда садится следующая, опять начинается то же самое. Эта — красивая, стройная, в строгом платье, и лицо холодное, как у многих красивых.

«Вот попалась такая кому угодно на дороге, хоть Сергею, хоть не Сергею, ну, и пропал человек! Для того и локоны. А то для чего же?»

Красивая женщина очень требовательна:

— Поднимите эту прядь, пожалуйста. Висок откройте.

Ириша не выдерживает и говорит:

— Право, можно подумать, что вы на веки вечные причёску делаете.

— Почти угадали, — говорит красивая. — Сейчас иду к фотографу. Обещал, что быстро сделает, — и внезапно в холодных серых глазах появляется немножко грусти: — Мужку на фронт фотографию пошлю, а то ему насплеетничали, что я собой не занимаюсь, одурачилась. Ся этого ужасно не любит.

— Конечно, нехорошо, — говорит Ириша. — Ну, да я вам такую скульптурку на голове сооружу — дай боже!..

Когда в зеркале отражается новое лицо —

преlestное, просто наредкость! — у Ириши трагически кривится бровь!

«Вот оно! Вот именно такую девушку из медсанбата он встретил и полюбил! И потому не пишет!»

Девушка просит только немного подстричь короткие волосы и надо лбом сделать, как она выражается, вертушок.

«Пожалуйста! Вот вам ваш вертушок! Крутите, вертите!»

Их глаза встречаются в зеркале. Военная девушка говорит:

— Мне надо, чтоб совсем скромненько, но чтоб красиво. У меня завтра день особый, не только 1 Мая, а ещё орден получать буду! Волнуюсь ужасно, понимаете?

В это время мимо витрины парикмахерской по улице проходит почтальон. Бригадир появляется в зале и кладёт Ирише в карман письмо:

— От него.

Ириша заливаясь кирпичным румянцем и выводит надо лбом военной девушки изумительный локон.

В очереди у дверей шум.

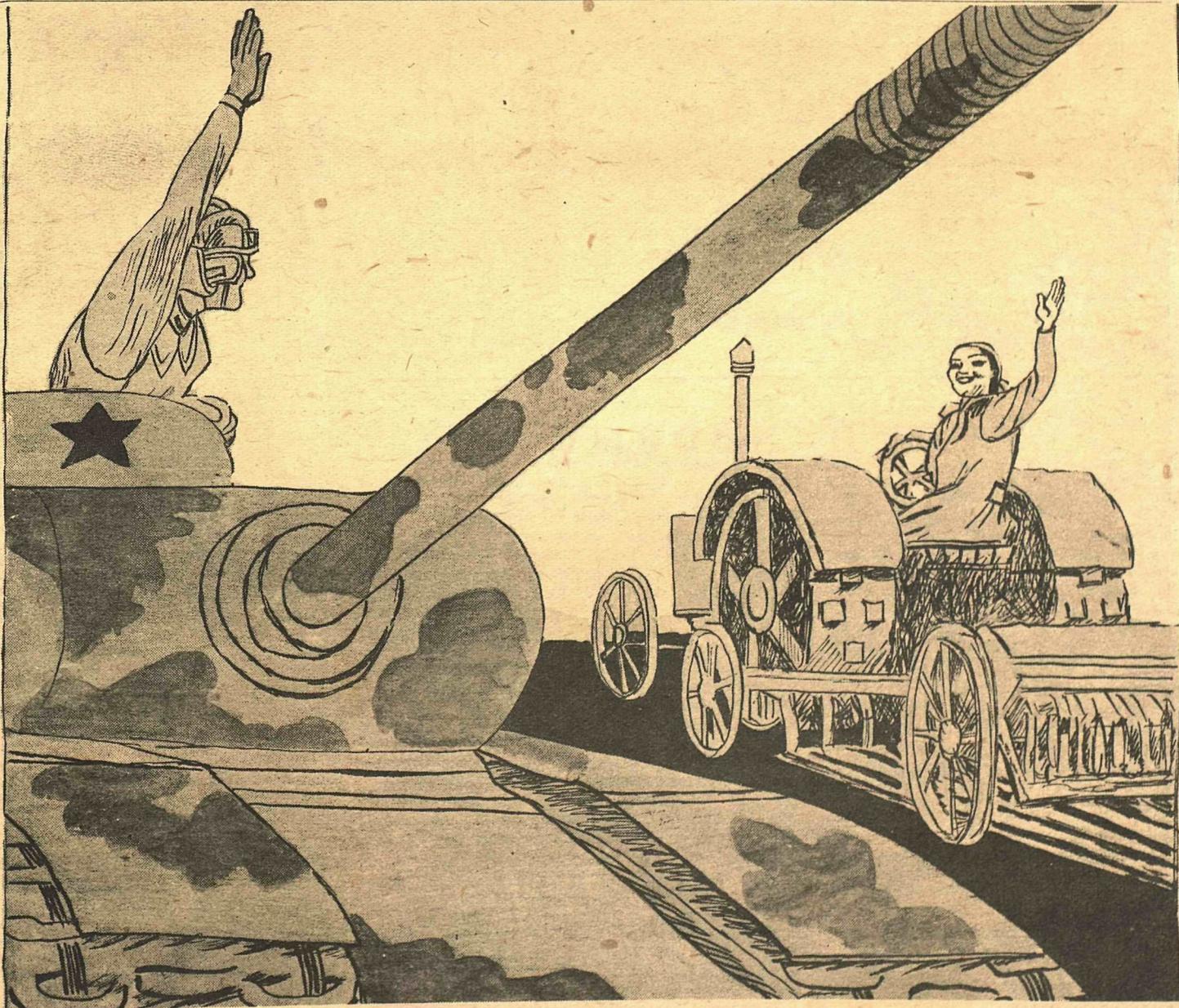
— Да не ссорьтесь вы, девушки! — кричит Ириша. — Всех причёшу. Ясное дело, к празднику всем хочется!

И смотрит на своё собственное отражение, счастливое и красивое, с торчащим из кармана уголком серого конверта.

В. КАРБОВСКАЯ

ВЕСЕННЯЯ СТРАДА

Рис. М. Черемных

— Продолжайте, хлопцы, жать и молотить, а мы тут будем сеять.

ТРАВКА ЗЕЛЕНЕЕТ, С

Немцы теряют много «тигров» на русском фронте.

Немцы закупили в Испании 15 000 мулов.

— Так вот, дружок, по воле фюрера впредь ты будешь не ослом, а «тигром».

Непросыхающий шторм — начало очередной операции.

Усы и нервы

В ПРИЕМНОЙ министра накурено, шумно и людно. На креслах, столах, подоконниках, а то и просто на полу сидят и тревожно жужжат румынские государственные деятели, только что прибывшие в Бухарест из Одессы, Кишинёва, Ясс и других не менее популярных мест.

Вид у государственных деятелей неважный: одежда в грязи, усы растрепаны, лица помятые.

Разговоры между собой они ведут лишь на одну тему: кто, как и на чём добрался до Бухареста, кто, как и на чём будет пробираться дальше.

— Здравствуйте, господин Витореску! Вы, кажется, из Одессы?.

— Из неё!

— На чём?

— На карачках! А, вы кажется, из Кишинёва?

— Из него.

— На чём?

— На автокатафалке. Конфисковали на улице вместе с покойником и вдовой. Так и доехали... втроём!

— Куда думаете дальше?

— Ох, куда глаза глядят!

— А куда у вас глаза глядят?

— Никуда не глядят!.. Потому что куда ни помотришь, везде дела наши дрянь!

...Государственных деятелей принимает министр — тучный, важный брюнет с таким печальным лицом, как будто он только что произносил речь на собственной кремации. Один чёрный ус у министра нафабрен и молодецки закручен кверху, другой — свисает вниз: утром была воздушная тревога, помешавшая господину министру завершить свой туалет.

Государственные деятели говорят с министром на ту же жгучую волнующую их тему — о транспорте.

Сначала они просят у министра легковую машину. Получив отказ, просят грузовик. Узнав, что грузовики тоже все расхvatаны, требуют пароконную бричку. Узнав, что и бричек нет, умоляют снабдить их хотя бы велосипедами и хотя бы из расчёта один велосипед на двух государственных деятелей: первый номер едет, второй бежит рядом, смеясь через каждые три километра.

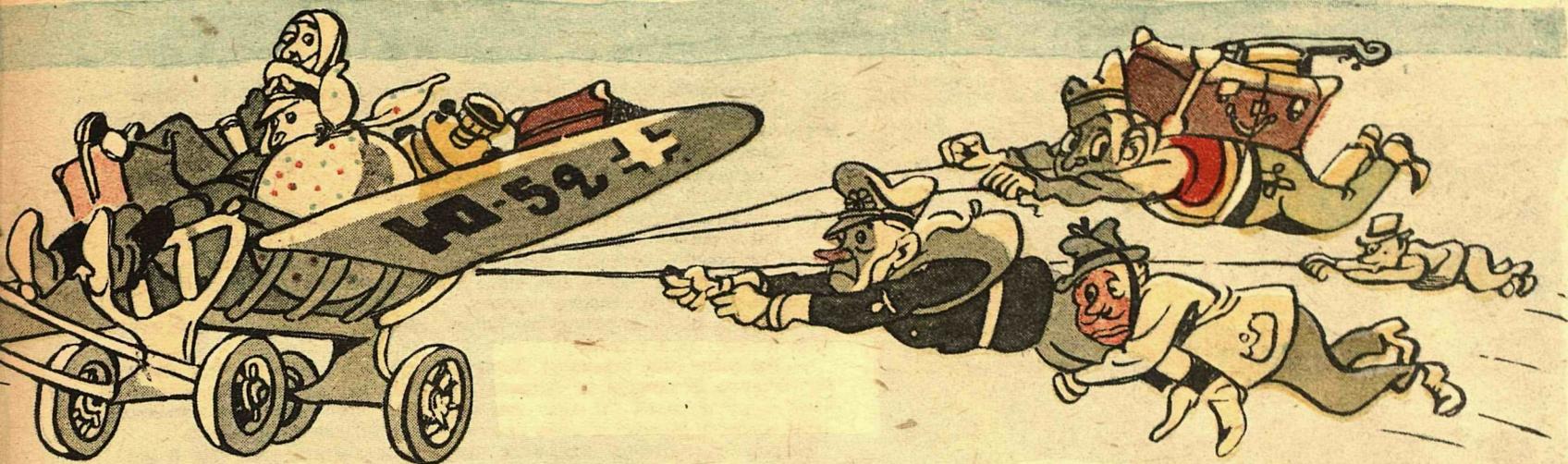
Министр сух и непреклонен. Чорт возьми! Здесь министерство, а не гараж и не конный двор! И потом в этот грозный час каждый румын должен быть на своём посту, паникерам и трусам пощады не будет.

Министр говорит долго и красноречиво. Государственные деятели с тоской смотрят

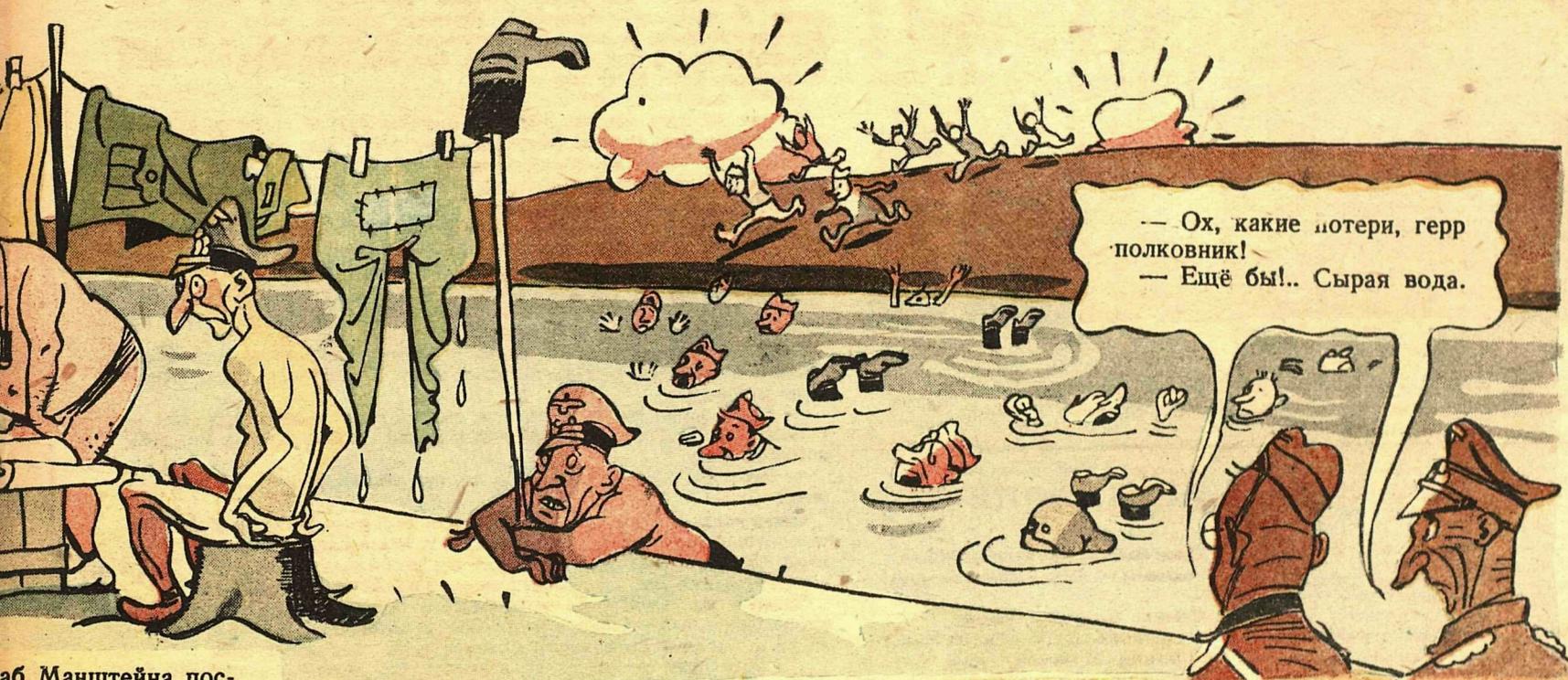

Фриц на распутице.

ОЛНЫШКО ВЛЕСТИТ...

Весенний перелёт

аб Манштейна пос-и.

ице.

на его левый, нафабранный ус, и видение спасительного велосипеда — одного на двоих! — тает, как голубой папиросный дымок. Повидимому, из Бухареста драпать дальше придётся на своих на двоих!.. О, Румыния! На какие только жертвы не идут ради тебя твои верные сыны!

Пригласив десятого посетителя и сказав десятую речь, министр встаёт из-за стола и начинает нервно ходить по кабинету. Противно, когда кругом так много трусов! Надо принимать меры, надо бороться!..

Министр зовёт секретаря и говорит: — Я прекращаю приём. Я еду к Антонеску... У меня есть план спасения государства! Секретарь почтительно склоняет жирный подбор.

Через двадцать минут стражники, охраняющие особый, уединённый аэродром, козырнув, пропускают господина министра на ровный зелёный лужок, в центре которого стоит тщательно замаскированный транспортный самолёт.

Министр быстро идёт к самолёту. Из пилотской кабины вылезает шеф-пилот капитан Попеску. Он мрачен, небрит и полупьян. С министром он здоровается небрежно.

— Ну, как наши дела, Попеску? — заискивающе улыбаясь, спрашивает министр и гладит горячее крыло самолёта. — Как наш конёк?..

— Господин министр, я так больше не могу! — хамским голосом отвечает Попеску. —

Третьи сутки дежурю у машины... И неизвестно, сколько ещё мне здесь сидеть!

— Надо терпеть, Попеску. Каждую минуту мы с вами можем... Фрр... и... до свиданья!.. (Министр игриво делает ручкой.) Как вы думаете, Попеску: мы... того... долетим?

— Если богородица поможет, долетим!..

— А если... не поможет?..

— А если не поможет, не долетим!..

— А почему богородица не захочет нам помочь, Попеску?

— Бог её знает, богородицу, как она к нам относится. И вино у меня всё кончилось, господин министр!

— Пришло! До свиданья, Попеску... Держите машину в полной боевой готовности... Я вас ещё сегодня... навещу!..

Вернувшись к себе в министерство, министр возобновляет приём. Опять канючат государственные деятели: просят бричку, лодку, велосипед, подметальную машину, таратайку, тачку!..

Опять министр произносит пламенные тирады, громя трусов и паникёров.

На десятом государственном деятеле «история повторяется». Министр начинает нервничать и опять зовёт секретаря:

— Я еду к Антонеску! Мы с ним ещё не всё обсудили.

Не спрашивая своего шефа, куда надо ехать, шофёр гонит машину прямой дорогой на аэродром.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ТЕАТРАЛЬНОГО ПОДЪЕЗДА

Рис. И. Семёнова

Приезжающие в Москву военные с большим трудом могут достать билет в театр. (Из письма в редакцию).

— Представьте, Буг форсировал, Днепр, Днестр, наконец, Прут, а вот здесь на «Нашем берегу» застрял.

ВЕСЕЛЬЧАК ПОНЕВОЛЕ

Фашистские главари требуют от немцев при любых обстоятельствах сохранять «вегетарианский вид».

Моя семья живёт в Берлине —
Сестра и я, отец и мать.
Здесь всем приказано отныне
Лишь улыбаться и плясать.

Мы жизнь проводим очень мило:
Не спим все ночи до утра:
Наш двор сегодня разбомбило,
А дом сгорел ещё вчера!

Весёлых много здесь историй,
Тирлим-бом-бом, тирлим-бом-бом.

Отца свезли мы в крематорий,
Мамашу — в сумасшедший дом!

Сестра лишилась жениха:
На фронте душу отдал богу,
А нынче ей самой, ха-ха,
Фугаской оторвало ногу!

Ха-ха! Всё это пустяки!
Сестрёнку мне не жалко ни крошки:
Я сам, наверное, хи-хи,
Погибну завтра от бомбёжки!

Сергей ШВЕЦОВ

Действующая армия

Рис. Л. Бродатты

Сто мужчин и одна девушка.

Чудо

ТАК, по-вашему выходит, что чудес на свете не бывает? А по-моему, бывают.

Возьмём, к примеру, нашу эмтеэс. Со стороны поглядеть — обычная машинно-тракторная станция. А если подойти к ней с точки зрения истории, — чудо...

В сорок первом году попала наша эмтеэс в окружение. Возле Липового Гаю немцы парашютный десант скинули, у Сухой Балки — второй. Наш старший механик горячий был. Бросился к директорше (вои она пошла в мастерскую, видите? Акулиной Трофимовой звать).

— Так и так! — кричит. — Я сейчас всю эмтеэс пушу на воздух!
— Попробуй! — отрезала директорша. — Я тогда весь воздух из тебя выпущу! А ну-ка, позови мне сюда всех трактористов и дида Климка (меня, значит). Будем эмтеэс спасать.

Собрались мы у директорши. Сидим, доклада ожидаем. А она глянула на нас, да и говорит:

— Товарищи мои хорошие! Дороги нам перерезаны. Тракторы вывозить некуда. И немцам их оставлять невозможно. Вот давайте и подумаем с вами, какое бы чудо нам сотворить, чтоб до прихода немцев либо вознести эмтеэс на небо либо потопить на дне моря-океана.

Начала директорша нам план выкладывать — мы уши так и развесили. Одним словом, разнесли и вознесли мы нашу эмтеэс. Так разнесли, что немцы застали только пустое место.

Прицепились ко мне фрицы. Гавкают по-своему, а я только одно слово и понимаю — «трактор». Развожу руками. «Нет, — говорю, — фу-фур, поехали, ведели вам кланяться». А они своё. Я им пальцами объясняю: ищите, мол, ветра в поле, был, мол, квас, да не было вас, а теперь есть квас, да не для вас.

— Вас квас? — кричат они на меня.
Но тут во двор машина въехала. Вылазит оттуда какой-то пузатый немец с крестами, орлами и пауками, а за ним — наш сукин сын, что в райземотделе служил, — раскулаченного Бреха сынок, Савка. Увидал меня, да и гавкает что-то пузатому, а тот ему; тогда Савка ко мне:

— А, дед Клишко! Сторожить?
— Где там, — говорю, — сторожу! Нечего мне теперь сторожить.
— Как так нечего? — удивился Брех. — А где же тракторы?
— А вы, — говорю, — лучше меня знаете, где. Сами же в райземотделе эвакуацию им запланировали.

Засуешился Брех и к пузатому: «Гав-гав-гав... гир-гир-гир!» А тот ему сердито: «Гир-гир-гир... гав-гав-гав!»

Гляжу, пошли на село три немца с Брехом. Недолго ходили. Ведут Христю Перебейнос — трактористку нашу. Поставил её Брех передо мною и говорят:

— Дед Клишко говорит: ты, мол, знаешь, где спрятаны тракторы.
Заиграла, видать, козачья кровь у девки. Выглянула она на Савку, потом на меня:
— Либо дед Клишко пьян либо вы, пан немецкий Брех, на деда брешете!

Савка тогда к пузатому, а тот — к немцам. Они меня за шиворот, Христю прикладом в спину и заперли нас в мастерской. Через час втолкнули сюда и внучку мою Катрю. А мы пробыли до ночи, да и удрали в партизанский лес, где командовала наша Акулина Трофимовна.

Прошёл год, и мы снова встретились с Брехом и с пузатым полковником. Они ехали по лесу и наскочили на партизанскую засаду. Привели их к Акулине Трофимовне в землянку. А она говорит мне:

— Дядю Клишко, заведи их и поступай с ними так, как партизанский закон велит.

— Что ж, — говорю, — пан Брех, пойдём, я тебе штаны подтычу и твоему немецкому начальству за компанию.

А весной, когда пришла Красная Армия, воскресла и наша эмтеэс. У Акулины Трофимовны какие-то дела в лесу оказались, вот она и послала меня.

— Ступайте, — говорит, — дядю Клишко, на эмтеэс. Туда приедет уполномоченный из области или из района, так вы уже организуйте, чтобы всё было как следует.

Прихожу я из леса, а уполномоченный со станции подходит. Встретились мы с ним подле мастерской. Поздоровались и пошли осматривать хозяйство.

Уполномоченный ходит по двору и убивается:
— Да ведь пока тракторы сюда доставят из глубокого тыла, горячее, то да сё — время пройдёт, а тут тебе пахать, сеять надобно!

— А вы, — говорю, — товарищ уполномоченный, не расстраивайтесь. У нас тут всё на месте: и тракторы, и горячее, и то да сё.

Смерил он меня с головы до пят, хотел пальцем возле лба покрутить, но, видать, торопился куда-то, молча попрощался с нами и сказал, что приедет через неделю.

И действительно, приезжает он через неделю, а у нас уже всё в до-военной норме: тракторы стоят, бочки с горячим на месте, станочки в мастерской, директорша с председателями колхозов предпосевной совет держит. Уполномоченный только клип-клип глазами:

— Как же вы такое чудо сотворили?
Я и рассказываю. Спрятали мы, говорю, нашу эмтеэс во чрево китовое, а теперь навад вынули.

— А где ж это чрево?
— А чего ж, — отвечаю, — вход бесплатный.

Привёл я его к старому пруду, показываю:
— Вот оно, чрево, под водой, в камышах. Глубиной три метра. Мы эмтеэс сюда за две ночи погрузили, а за три дня выгрузили.

...А вы говорите, что не бывает чудес на свете! Вот вам и не бывает!

Олесь ГРОМОВ

Авторизованный перевод с украинского
Татьяны СТАХ

НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ ПРУТА

Рис. Г. Валька

— Отвезёшь майору Петрову на тот берег. Вот тебе заграничная командировка.

Дед и баба

(ГЛАВА ИЗ 3-й ЧАСТИ «ВАСИЛИЙ ТЕРКИН»)

Третье лето. Третья осень.
Третья зима ждёт весны.
О своих нет-нет и спросим
Или вспомним средь войны.

Вспомним с нами отступавших,
Воевавших год или час,
Павших, без вести пропавших,
С кем выжили мы хоть раз,
Провожавших, вновь встречающих,
Нам погнать воды подавших,
Помолившись за нас...

Вспомним вьюгу-завируху
Прифронтовой полосы,
Хату с дедом и старухой,
Где наш друг чинил часы.

Им бы не было изнысу
Впредь до будущей войны,
Но, как водится, без спросу
Снял их намец со стены.

То ли вещью драгоценной
Те куранты посчитал,
То ль решил с нужды военной:
Как-никак, цветной металл.

Так-то жили дед да баба
Без часов своих давно.
И уже светилось слабо
На пустой стене пятно...

Но со страстью неизменной
Дед сулил, рьядил, гадал
О кампание военной,
Как в отставке генерал.

На дорожке возле хаты
Костылем старик чертил
Окруженья и охваты,
Фланги, клинья, рейды в тыл...

— Что ж, за чем там остановка?—
Спросят люди. — Срок не мал...

Дед-солдат моргал неловко,
Кашлял:
— Перегрунтованка...—
И таинственно вздыхал.

У людей уже украдкой
Наготове был упрёк,
Словно добрую догадку
Дед по скутности берёг.
Словно думал подорожке:
Запросить с души живой:
— Дед, когда же?
— Дед, ну что же?
— Где ж он, дед, Будённый твой?

И едва войны погудки
Заводил издали восток,
Дед, не мадя ни минутки,
Объявлял, что грянул срок.

Отлынал уже по слуху

Грохот русских батарей.
Бегал, топал:
— Дай им духу!
Дай ещё! Дубавь! Прогрей!

Но стихала канонада,
Потухал зарниц пожар.
— Дед, ну что же?
— Думать надо,
Здесь не главный был удар...

И уже казалось деду —
Сам хотел того или нет, —
Перед всеми за победу
Лично он держал ответ.

И, тая свою кручину,
Для всего на свете он
Предугадывал причину
И придумывал резон.

И когда пора настала,
Долгожданный вышел срок,
То впервые воин старей
Ничего сказать не мог...

Все тревоги, все заботы
У людей слились в одну:
Чтоб за час до той свободы
Не постигла смерть в плену.

В ночь, как все, старик с женой
Поселились в яме.
Ветки яблони дождь стальной
Сёк над головами.
Довелось под старость лет
Ни в пути, ни дома,
А у входа на тот свет
Ждать часы приёма.

Под накатом из жердей,
На мешке картошки,
С узелком, с горшком углей,
С курицей в лукошке...

Две войны прошёл солдат.
Целый, невредимый.
Пощади его, снаряд,
В конопле родимой!

Просветил над головой,
Но вблизи не падай,
Даже если ты и свой, —
Всё равно не надо!

Мелко крестится жена,
Сам не крошешь дрожи:
Ведь живая смерть страшна
И солдату тоже.

Стихнул прохот огневой
С полночи впервые.
Вдруг — шаги за коноплей.
— Ну, идут... немцы...

По картофельным рядам
К погребушка прямо...

— Ну, старик, не выйти нам
Из головной ямы.
Но старик встает, плюёт
Потихоньку в ружьё,
За топор — и наперёд,
Заслоvenil старуху.

Гибель верную свою,
Как тот миг не порек,
Порешил встретить в бою,
Держит свой топорик.

Вот шаги у края — стоп!
И на шубу плухо
Осыпается окоп —
Обмерла старуха.

Всё же вроде как жива:
— Наше место свято!
Слышит русские слова!
— Жители, ребята!

— Дети родненькие! Дети!—
Уронил топорик дед.

— Мы, отец, ещё в разведке,
Тех встречай, что будут вслед.

На подбор орлы-ребята,
Молодец до молодца!
Командир у аппарата,
Хоть ты что, знаком с лица.

— Закурить? Крути, папаша! —
Дед садится, вытер лоб:
— Ну, ребята, счастье ваше,
Голос подали. А то б...

Командир, смеясь, кивает:
— Ничего, на том стоим.
На войне не то бывает —
А глядишь, и невредим.

— Точно так, — и тут бы деду
В самый раз, чтоб закурить,
В самый раз продлить беседу —
Столько ждал! — поговорить.

Командир ему при этом
Но они спешат не в шутку.
И ещё не снялся дым...
— Погоди, отец, минутку,
Дай сперва освободим...

Подмигнул для красоты,
И его по всем приметам
Дед узнал:
— Так это ж ты!

Друг-этикомец, мастер-ухарь,
С кем сидели у стола.
— Погляди скорей, старуха:
Узнаёшь его, орля?

Та, как глянула:
— Сыночек,

Голубочек! Вот уж гости!
Может, сала съешь кусочек?
Воевал, устал, небось?

Смотрит он, шутник пот самый:
— Закусить бы счёл за честь,
Но ведь нету, бабка, сала?
— Да и нет, а всё же есть...

— Значит, цел, орёл, покуда?
— Ну, отец, не только цел:
Отступал солдат отсюда —
Наступал офицер.

— Офицер? Так-так. Понятно, —
Дед кивает головой. —
Ну, а если... напоятный,
Ты опять, как рядовой?..

— Нет, отец, забудь. Отныне
Нерушим простой завет:
Ни в большом, ни в малом чине
Напоятный ходу нет...
Откажи мне в чёрствой корке,
Прогони тогда за дверь.
Это я, Василий Теркин,
Говорю. И ты уж верь.

— Да уж верно! Как получше
На какой теперь манер:
Господин, сказать, поручик
Иль товарищ офицер?

— Стар годами, слаб глазами,
И, однако, ты, старик,
За два года с господами
К обращению привык...

Дед — плевать, а старуха,
Подпершись одной рукой,
Чуть склонясь и эту руку
Взявши под локоть другой,
Всё смотрела, как на сына.
Смотрит мать из уголка.

— Закуси ещё, — просила, —
Закуси, поешь пока...

И спешил, а всё ж отведёл,
Угостился, как родной.
Табачку отсыпал деду
И простился:
— Связь, за мной!

И уже, пройдя немного,
Мастер-мастер был и тут,
Теркин, будто бы с порога
Про часы спросил:
— Идут?
— Как же так! — и вновь причина
Бабе кинуться в слезу.

— Будет, бабка! Из Берлина
Двое новых привезу.

А. ТВАРДОВСКИЙ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (глав. редактор). Рукописи не возвращаются.
Адрес ред.: Москва, 48, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-59, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал — 1 руб. 60 коп. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва, Изд. № 230. Подп. к печати 26/IV 1944 г.

Отатформат 72x106 см.

Печ. л. 1.

Кол. экз. в 1 печ. л. 78 000.

А 5145.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24

Заказ № 474.

Тираж — 100 000 экз.

ПОПОЛАМ

(Кавалерийская шуточная)

Рис. К. Елисева

235

Период и серия	„Лет рецензий“	„Му. и лет“
Пролуч. в р. д.		
Сдан в архив	4/8 чч	

1
Мы с приятелем дружили,
Как и должно землякам,
Вместе в конниках служили,
Всё делили пополам.
Вместе ели, вместе спали,
Гарцовали по степям,
Вместе немца мы рубали —
Пополам, так пополам!
— Друг-товарищ, не зевай!
— Что ж зевать? Сам с усам!
— Так, пожалуйста, рубай!
— Пополам?
— Пополам!

2
И запевки и беседы,
Золотой овёс коням,
И патроны, и обеды —
Всё делили пополам.
Коль на марше спозаранку
Подкрепиться нечем нам,
Делим бубличек-баранку,
Даже дырку пополам!
— Друг-товарищ, не зевай!
— Что ж зевать? Сам с усам!
— Так, пожалуйста, рубай!
— Пополам?
— Пополам!

3
Шесть фашистов под Херсоном —
Счёт зарубленным врагам,
По три немца на персону —
Пополам, так пополам.
Но гляжу я: друг мой кровный
За седьмым в карьер помчал...
Эх, обидел! Счёт неровный.
Но ему я закричал:
— Друг-товарищ, не зевай!
— Что ж зевать? Сам с усам!
— Так, пожалуйста, рубай!
— Пополам?
— Пополам!

4
Был бы всё же я сердитым,
Но срубил восьмого сам,
И теперь мы с другом квиты —
Пополам, так пополам.
К вечеру несут ребята
Два ведёрка пива нам.
Значит, пьём. Ведро на брата —
Пополам, так пополам.
— Друг-товарищ, не зевай!
— Что ж зевать? Сам с усам!
— Так, пожалуйста, рубай!
— Пополам?
— Пополам!

Вл. Дыховичный

44